

Глава 5 Шестой год Шэньчу

Два серебряных слитка

А-Лай быстро спустилась вниз по ступеням и вскоре оказалась у подножия горы.

С утра в водном павильоне не хватало рук, поэтому её подняли на работу ещё до рассвета. После этого она ушла с Четвёртой тётушкой и до полудня не выпила ни капли воды. Ей хотелось пить, есть и спать, а в кармане было только две монеты, данные матерью вчера.

А-Лай сжимала эти две монеты и не хотела их тратить.

Она знала, как тяжело было её матери после смерти отца. Чтобы остаться в семье Се, несмотря на проблемы с ногами, мать взяла на себя все садовые работы, которые раньше делал отец.

Семья Се, хотя и была видным домом в Суйчуане, находилась в отдалённом северо-западном регионе. Среди сорока восьми уездов Великой Юй она была на самом дне с точки зрения экономического и военного развития. По-настоящему богатые и влиятельные семьи мигрировали в процветающие регионы, такие как Цзюйлу и Цинцзи, во времена правления императора Вэня. Говорили, что семья Се также рассматривала возможность переезда на юг, но их сильная родовая ветвь уходила корнями в уезд Дунчунь на севере, и закрепиться на юге было нелегко. Поэтому они остались в Суйчуане.

Во время Великого голода все едва сводили концы с концами. Семья Се, сверху донизу, урезала расходы, оставляя А-Лай и её матери очень мало денег. Уже стояла середина зимы, а мать всё ещё носила тонкую накидку, купленную три года назад, когда отец был жив. Накидка была вся в заплатках. А-Лай несколько раз уговаривала мать купить непродуваемую кожаную накидку, и мать всегда соглашалась, но так и не покупала. Все сбережённые деньги она отдавала А-Лай, обеспечивая ей сытость, хорошую одежду и беззаботность.

Думая о том, как мать работает весь день и не может спать по ночам от боли в ногах, А-Лай почувствовала, как защемило в носу. Она не могла просто так потратить эти две монеты. Но даже если она не потратит их, держать их при себе бессмысленно. Двух монет хватало разве что на несколько паровых булочек.

Пока А-Лай шла в сторону рынка, звуки повозок и коней становились громче. Отряд всадников в серебряных шлемах на гнедых лошадях прокладывал путь вперёд, за ними следовали несколько повозок с золотыми крышами. Людей оттесняли в сторону всадники, и А-Лай сумела разглядеть сквозь толпу изысканных бронзовых зверей, покачивающихся на четырёх углах крыш повозок.

Кортеж проехал через рынок и направился в восточные предместья города.

Копыта лошадей цокали по снежной грязи. Незнакомые украшения повозок заставляли окружающих людей строить догадки о происхождении этих сановников. А-Лай, погружённая в мысли, повернула голову и втиснулась глубже в рыночную толпу.

Несмотря на голод, на рынке Цисяня всё ещё были торговцы, продававшие свои товары, хотя покупателей было мало, и дела шли вяло. А-Лай ловко протиснулась сквозь толпу и нашла знакомый прилавок с паровыми булочками.

Сегодня дяди Гуана не было. Только его десятилетняя дочь, Сяо Цзю, присматривала за прилавком.

Погода была слишком холодной, и льняная одежда Сяо Цзю пропускала ветер. Её смуглое личико было обветрено и покраснело. Растрёпанные волосы венчали её голову, и она небрежно вытирала нос, пытаясь детским голоском зазывать покупателей.

- Сяо Цзю! - А-Лай подбежала к её тележке и облокотилась на бамбуковую раму. Рама была заполнена булочками, укрытыми стёганым одеялом для тепла. А-Лай была так голодна, что сквозь одеяло чувствовала мягкий, сладкий запах паровых булочек.

- Где твой отец? Почему ты здесь одна? - спросила А-Лай.

- Он вчера сломал ногу в поле, поэтому сегодня не смог прийти.

- Сломал ногу? Ты показывала его врачу?

Сяо Цзю уныло покачала головой:

- У нас нет лишних денег. Ты же знаешь, все наши деньги ушли на лечение матери. Теперь и отец заболел, я, я...

Сяо Цзю начала всхлипывать, и А-Лай тоже забеспокоилась:

- Не плачь.

А-Лай знала, что дядя Гуан и Сяо Цзю были очень трудолюбивы. Жена дяди Гуана много лет была прикована к постели, и семья держалась на дяде Гуане и Сяо Цзю. Они обработали два акра земли, которые по нынешнему земельному закону стали их собственными. Дядя Гуан и Сяо Цзю усердно трудились, чтобы содержать свою небольшую торговлю паровыми булочками и лечить мать Сяо Цзю. К несчастью, во время голода главный кормилец семьи попал в беду.

- Я не спала всю ночь и сделала только эту корзину булочек. Даже если продам их все, не хватит на лекарства для родителей. Сестра А-Лай, я не знаю, что делать.

А-Лай облизала потрескавшиеся губы, мысли металась в её голове.

Позади неё кто-то стонал и жаловался, что его сбили телегой, и он не может выпрямиться. А-Лай оглянулась на старуху, сжала в руке две монеты, и её осенила вспышка вдохновения.

А-Лай повернулась к Сяо Цзю:

- Ты доверяешь мне?

Услышав это, Сяо Цзю сразу перестала плакать и с любопытством спросила:

- Я тебе доверяю. У тебя есть какой-то план?

- Ты обычно продаёшь три булочки за одну монету, да?

Сяо Цзю кивнула.

- У меня есть две монеты. Продай мне двенадцать булочек, а я взамен достану тебе большой серебряный слиток.

Сяо Цзю вздрогнула:

- Как двенадцать булочек можно обменять на серебряный слиток? Это невозможно.

Пока Сяо Цзю колебалась, А-Лай уже швырнула ей две монеты, завернула двенадцать булочек в ткань и начала рыться на её прилавке.

- Что ты ищешь?

- У тебя есть ведро, которое я могу одолжить?

- Нет, только несколько больших мисок.

- Сойдёт. Мне ещё понадобится твоё коромысло. Я вернусь через час.

А-Лай одолжила кучу, казалось бы, случайных предметов, взвалила коромысло и ушла.

Неужели она собирается торговать на вынос? Но как двенадцать паровых булочек и несколько мисок можно обменять на большой серебряный слиток? Сяо Цзю сомневалась.

Лицом к ледяному ветру, А-Лай понесла коромысло к тёплому источнику в горах в трёх ли от рынка. Она наполнила несколько мисок сладкой родниковой водой, расставила их ровно на коромысле, укрыла одеялом для тепла и осторожно спустилась по скользкой горной тропе в восточные окраины города.

По прибытии она увидела, что кортеж стоит неподалёку. Несколько мужчин в плащах стояли на пустыре. Под плащами были одежды, расшитые тиграми и журавлями - официальные одеяния. Несколько всадников охраняли поле, их бесстрастные лица были полны леденящей душу убийственной решимости.

Хотя всадники и повозки были скромными, без каких-либо бросающихся в глаза украшений, А-Лай узнала медных зверей, свисавших с углов повозок.

Официальные повозки в Великой Юй имели медных зверей, обозначавших их ранг. Официальная повозка её семьи имела зверя Хуншу, обозначавшего начальника округа. Повозки с золотыми крышами имели медных зверей Байянь и Шаньцюэ¹, указывая на присутствие губернатора и других чиновников уезда.

¹Байянь и Шаньцюэ - серебряный фазан и синица.

Её мать упоминала, что во время голода, от императора до местных чиновников, все должны были лично пахать поле, чтобы молиться о хорошем урожае. Пока сам император усердно вспахивал поля, а губернаторы каждого региона приезжали для инспекции, местные чиновники часто просто делали вид, что работали. Сопровождая инспектирующего губернатора на пиру, они отправлялись на окраину, чтобы ненадолго появиться, оставляя крестьянам в конце концов убирать беспорядок.

И вот они снова устраивали представление.

А-Лай разложила свой импровизированный прилавок, отрывая куски от булочки, пока ждала большую добычу, думая об А-Сюнь.

Интересно, хорошо ли справляется её сестра с миссией господина Се в Яньчжоу.

В холодную, сухую зиму эти сановники, привыкшие сидеть в тёплых канцеляриях, после двух отрезков времени, равных горению благовоний, проведённых за плугом, были иссушены и

измотаны. Суровый северо-западный ветер заставлял их хрупкие тела трястись. С инспектором, наблюдающим за ними, они не могли уйти сразу и должны были терпеть.

Помощник начальника уезда Хэ - мужчина старше пятидесяти лет, скромного происхождения, без карьерных амбиций - довольствовался поддержанием закона и порядка в Цисяне. Слабый и кашляющий с каждым взмахом мотыги, он теперь хотел пить и у него кружилась голова. Его подчинённые, видя его состояние, волновались. Чтобы казаться трудолюбивым перед инспектором, Хэ намеренно взял мало еды и воды, всё отдав вышестоящим и не оставив ничего себе. В пустынных восточных окраинах не было близлежащих домохозяйств, где можно было бы пополнить запасы.

- Ищите, ищите! - помощник Хэ, хватаясь за свою старую поясницу и с трудом дыша, прохрипел подчинённому на ухо:

- Иди и поищи! Посмотри, нет ли какого-нибудь домохозяйства подальше! Ох, принеси мне воды, я здесь умираю...

Подчинённые тоже были в затруднительном положении. Эта пустынная местность была необитаема, и даже если бы они нашли домохозяйство, оно, вероятно, само боролось за выживание. Они не могли просто взять у людей жизненно важную еду. Чтобы вернуться в город, потребовалось бы как минимум полчаса, а к тому времени все могли уже разъехаться.

Но они не могли ослушаться приказа помощника, поэтому подчинённые начали обыскивать окрестности, надеясь на удачу.

И удача была на их стороне.

Издали они увидели молодую девушку, сидящую под голым деревом, откусывающую большие куски булочки и делающую большие глотки воды, её оживлённость вызвала у них некоторую зависть. Когда они приблизились, они обнаружили, что девушка на самом деле продавала булочки. У неё было коромысло с бамбуковыми корзинами, висящими на обоих концах, укрытыми одеялом. Приподняв угол одеяла, они смутно увидели спрятанные внутри большой свёрток булочек и несколько мисок с водой.

Чиновники спросили её, сколько стоят булочки и вода, сказав, что хотят купить всё. Девушка отказалась продавать.

- Моя мама сказала, что двенадцать булочек оставшихся сегодня нужно отнести моим бабушке с дедушкой. Если даже одной не хватит, она сломает мне ногу. Эти миски с водой из тёплого источника, который я с большим трудом нашла в горах, и вода в них ещё не остыла. Я должна доставить их все вместе и не могу продать их вам.

Чиновникам показалась забавной наивная манера девушки. Она относилась к нескольким скудным булочкам как к сокровищам.

- По какой цене ты продаёшь?

- Не продаются ни за какую цену!

Чиновник присел перед ней на корточки и достал из-за пазухи два больших, ослепительных серебряных слитка:

- Видишь эти? Они могли бы купить всю твою булочную лавку. Отнеси эти два серебряных

слитка обратно, покажи своей матери. Она будет так вне себя от радости, что не сломает тебе ноги. Оставь воду тоже, и можешь идти.

А-Лай, словно понимая, взяла серебряные слитки и смотрела на них, в то время как чиновники забрали всё коромысло. Глава Хэ набросился на булочки с тёплой родниковой водой, уплетая их, как будто это была самая райская еда.

Серебряные слитки ослепили Сяо Цзю, от их вида у неё чуть не отвисла челюсть.

- Хм? Это настоящие?! Я в жизни не видела целый серебряный слиток! - Сяо Цзю воскликнула с изумлением, держа серебряные слитки. - Сестра А-Лай! Ты потрясающая! Как ты это сделала?!

Сяо Цзю приставала к А-Лай, чтобы та научила её, как обменять двенадцать булочек на большой серебряный слиток. Одежда А-Лай была растянута от её постоянных дёрганий, но она всё равно не проронила ни слова. Её мать неоднократно предупреждала её не создавать неприятностей на улице. Если эта история дойдёт до ушей её матери, она, вероятно, получит хорошую взбучку. Хотя у её матери были проблемы с ногами, сила в руках была неожиданно велика. Однажды она видела, как мать рубила дрова голыми руками после того, как её топор для рубки дров сломался и стал непригодным. Каждая порка от матери оставляла глубокое впечатление, поэтому, сколько бы Сяо Цзю ни приставала, она не скажет ни слова.

Сяо Цзю устала спрашивать, увидев, что та непреклонно молчалива, она перестала давить. Она только продолжала благодарить А-Лай, слёзы наворачивались на глаза:

- Мой отец и мать спасены!

А-Лай схватила паровую булочку, чтобы утолить голод, тщательно засунула оставшийся серебряный слиток за пазуху и уже планировала, как потратить его по частям, чтобы мать не узнала. Две женщины на соседнем прилавке злобно жаловались на что-то. Сначала она не обратила внимания, пока слова «беженцы из Цзиси» чётко не достигли её ушей. Она отрывала куски от теперь уже твёрдой булочки и присоединилась к горожанам, собравшимся вокруг.

После того как беженцы из Цзиси вошли в город, их временно разместили в храме Циншуй. Людей было так много, что этот многовековой храм не мог вместить их всех. Монахи из храма переселились в горы, чтобы освободить место для беженцев, вследствие чего несколько из них заболели от холода. Хотя власти раздавали продовольствие, число беженцев было слишком велико для скудного количества еды. Они начали тайком выходить из храма ночью, чтобы искать еду в ближайших домах. Люди Цисяня были просты и милосердны. Видя среди беженцев много стариков, слабых, женщин и детей, они оставляли еду у своих дверей перед сном, чтобы беженцы взяли её.

Плачущие женщины были из домохозяйств, которые давали еду беженцам. Они сказали, что живут у подножия храма Циншуй на горе Наньшань. Их семьи давно находились под влиянием буддизма: и свёкры, и свекрови, и мужья - все были буддистами, хранившими сострадание в сердцах. Изначально беженцы были благодарны и говорили добрые слова, когда получали еду. Но постепенно объедков, оставленных у дверей, стало недостаточно, чтобы утолить голод беженцев. Они начали врываться в дома ночью, чтобы грабить и портить еду. Они съедали половину пшеничной каши и разбрасывали другую половину, тратили больше пампушек, чем съедали, забирали кур-несушек и забивали их. Сторожевых собак оставляли с окровавленными головами, не говоря уже о пахотных волах и козах, выращенных на продажу. Некоторые семьи даже потеряли детей из-за похищения или нападения. Молодых мужчин в домах не было,

сопротивляться было некому. Желаящие благотворители быстро закрыли свои двери, не желая больше помогать пострадавшим.

Пока женщины говорили, их плач становился ещё печальнее. Одна потеряла ребёнка, а другая едва избежала нападения. Окружающие горожане, услышав такое, горестно вздыхали, переглядывались, чувствуя сердечную боль, беспокойство, страх и беспомощность, а затем начали оживлённо обсуждать:

- Почему они крадут детей?

- Может быть... может быть они занимаются каннибализмом?

- Прекратите болтать! Эти твари! Как они могли впустить их в город! Сунь Минъи рехнулся! Эти варварские разбойники, они не что иное, как дикари, которые знают только как жечь, убивать и грабить! Впустить их в город Цисянь всё равно что впустить волков в овчарню! Как нам, беззащитным простолюдинам, жить?!

А-Лай и Сяо Цзю стояли в толпе, их сердца колотились, охваченные нервным страхом.

- Мы не можем позволить им продолжать вредить людям! Пошли! Найдём Сунь Минъи! Давайте выгоним этих варваров! - Группа людей, полная праведного негодования, собиралась отправиться в уездную управу. А-Лай и Сяо Цзю тоже хотели присоединиться, чтобы поддержать настроение. По пути они услышали, как группа продолжала обсуждать:

- Как маленький храм Циншуй может вместить двадцать тысяч беженцев? Сунь Минъи, должно быть, рехнулся!

- Я слышал, это была идея не начальника уезда. Он стоял на страже с солдатами на городской стене три дня и ночи. В конце концов, это старший сын семьи главы Се вмешался и впустил людей.

Сяо Цзю бросила взгляд на А-Лай, и А-Лай покраснела и опустила голову.

- Я слышал, всё ещё есть беженцы, идущие к нам. Храм Циншуй больше не может вмещать беженцев, они теперь идут в другие храмы.

- Другие храмы? В Цисяне только два храма: один - Циншуй на южной горе, а другой - Таоюань на севере города.

- Да, они ушли в храм Таоюань. Храм Таоюань немного лучше, вокруг него не так много домов. Но это не решение. Если мы не выгоним этих разбойников, нашему Цисяню никогда не будет покоя!

Таоюань?

А-Лай почувствовала внезапную панику в сердце и остановилась на месте.

- Что случилось, А-Лай? - Сяо Цзю увидела, что её лицо мгновенно стало смертельно бледным, и с беспокойством спросила её.

- О нет! - А-Лай прошептала. — О нет! Четвёртая тётюшка!

Она быстро пробилась сквозь толпу и бросилась бежать. Сделав два шага, она вернулась, ухватившись обеими руками за узкие плечи Сяо Цзю. Её предупреждение ударило Сяо Цзю по

лбу, как молот:

- В этот период запасай достаточно еды и оставайся дома! Запирай дверь и не открывай никому! Лучше иметь под рукой две палки для защиты и береги родителей! Запомни это!

Прежде чем Сяо Цзю успела отреагировать, А-Лай снова развернулась и помчалась к храму Таоюань.

<http://bllate.org/book/17227/1612165>